

МЕССАЛИНА

ГЛАВА I

Что происходило в Риме после смерти императора Тиберия Цезаря

Нескончаемые людские потоки текли по улицам, ведущим к Форуму, к храму Кастора и Поллукса.

Тысячи взволнованных голосов сливались в один невнятный гул, в котором тонули отдельные слова и фразы, вопросы и ответы.

Тысячи лиц объединяло выражение тревоги ожидания, смешанного с недоверием к происходящему.

Форум был уже переполнен людьми, в основном мужчинами, хотя не было недостатка и в женщинах и детях. Почти все суетились, отчаянно жестикулировали и толкались. Кто-то старался протиснуться к базилике Юлия, кто-то пробирался к базилике Тиберия.

А горожане все прибывали, напирая друг на друга со стороны Виа Сакра, Нова, Сарино и других входов на площадь. И с каждым новым приливом этой толпы, неспокойной, как бурлящая весенняя река с ее готовностью выйти из привычного русла, нарастало напряжение собравшихся перед храмом Кастора и Поллукса.

Где двигаться уже не могли, там пробовали заводить разговор:

— Это правда?

— Возможно ли?

- Тиберий умер?
- Тиберий мертв?

— А может быть, это одно из тех мошенничеств, к которым он столько раз прибегал? — нахмурившись, воскликнул старый центурион¹, судя по знаку — из германских когорт, сухощавый человек лет шестидесяти, с бронзовым, выжженным солнечными лучами лицом.

Глухой рокот прокатился по толпе:

- Кто это?
- Сумасшедший!
- Возмутительно!
- Клеветник!
- Республиканец!

— Доносчик! — взвизгнул толстый парасит² в белой тунике, вернее, когда-то белой, до непристойности замусоленной и запачканной, в винных подтеках.

— Эй, ты! — гаркнул в ответ центурион. — Думаешь, если нас разделяет эта толпа евнухов и андрогинов³, то я не справлюсь с тобой? Клянусь, следующее слово застрянет у тебя в глотке! Я, римлянин из трибы⁴ Эмилия, девятнадцать лет воевал под началом божественного Августа да еще двадцать три — под руководством его преемников. И я говорю: великий Октавиан не доверял Тиберию Цезарю! Уж он-то не позволил бы гнусному тирану управлять нами в течение двадцати трех лет! О, если бы это лицемерное чудовище обнаружило свое коварство раньше, чем умер Август, — никогда не видеть бы ему империи!

¹ *Центурион* — командир воинского подразделения численностью около ста человек, входившего в состав легиона. — *Здесь и далее примеч. автора, если не указано иное.*

² *Парасит* — нахлебник, человек без определенного рода занятий, живущий на содержании богатых римлян или за счет всевозможных подачек.

³ *Андрогинны* — мифические бесполое существа.

⁴ *Триба* — территориальный избирательный округ, имевший один голос в народных собраниях (комициях) Древнего Рима.

Новый взрыв негодования толпы был ответом на слова центуриона. Паразит же побледнел и, начисто потеоряв весь свой напор, воздержался от дальнейшей перебранки.

— Говорю вам, не верьте слухам о смерти Тиберия. Вот уже семь лет, как он твердит о своих недугах. Сколько раз он на них ссылался, избегая встречи с римлянами! Вся его жизнь была фарсом. Для других же она до сих пор оборачивалась самой кровавой из трагедий. Может быть, и теперь он сам распустил домыслы о своей смерти, чтобы узнать истинные настроения патрициев и плебеев, а потом отдать их в руки палачей!

— Если ты говоришь, что не уверен в смерти Тиберия, то ты поступаешь как неблагоразумный наглец, хотя слова твои кажутся гордыми и свободными, — заметил сенатор, окруженный толпой плебеев.

— А что мне грозит? — сверкнув глазами, ответил центурион. — Потерять восемь или десять лет мучений, которые сулит старость? Плохое будущее суждено тому, у кого нет ни жены, ни детей, а есть только незаживающие раны, полученные в сражениях, и еще вера в достоинство римлян!

— Да кто этот самолюбивый хвастун? — наконец отважился крикнуть паразит, который к этому времени отошел подальше от чересчур решительного старика.

— Пусть назовет свое имя тот, кто оскорбляет величие императора!

— Пусть назовет!

— Кто он? Пусть назовет свое имя!

И толпа взревела в один голос:

— Пусть назовет свое имя!

— Эй! Подлые рабы! Думаете, все так же трусливы, как вы? Я Корнелий Сабин, плебей из трибы Эмилия, центурион, недавно уволенный из десятого легиона. Знаете, что в него не набирают людей робкого десятка, — недаром это был любимый легион Цезаря!

Вот с какой страстностью обсуждалось событие, которое в короткий срок взбудоражило всех горожан. Кто-то делал вид, что сожалеет о смерти Тиберия, кто-то сомневался в этом известии. Однако и те и другие больше всего желали, чтобы оно обернулось правдой, хотя почти никто не рисковал открыто высказывать свои мысли, как это сделал старый легионер, центурион Корнелий Сабин.

Шел тринадцатый день до апрельских календ (19 марта) года семьсот девяностого с основания города, миновало два часа пополудни.

С предыдущего вечера по Риму пополз слух о том, что 16 числа этого месяца в Мизенах на 68 году жизни и на 23 году обладания высшей властью умер император Тиберий Цезарь¹.

Всю ночь и все утро 19 числа эта весть обрастала новыми, порой противоречивыми подробностями.

Одни говорили, что, почувствовав себя плохо, Тиберий стал звать на помощь, но никто не откликнулся — тирана оставили все, даже ближайший его советник, префект претория² Невий Суторий Макрон, и племянник Гай Цезарь Калигула Германик. Добавляли, что, не видя ни рабов, ни либертов, он сумел подняться и сделать несколько шагов, но тут силы покинули его, и он упал замертво.

Другие утверждали, что император Тиберий пожаловался на озноб, и это послужило предлогом для Макрона, который набросил на него столько теплых покрывал, что Тиберий задохнулся.

Рассказывали также, что Тиберия отравили, а потом не давали пищи, чтобы голод ускорил действие яда.

Наконец появился слух, которым делились только с самыми близкими друзьями, да и то под большим секретом.

¹ *Тиберий* (42 г. до н.э. — 37) — римский император, проводивший диктаторскую политику, известный жестокостью и лицемерием.

² *Префект претория* — начальник преторианской (императорской) гвардии.

Иной раз можно было услышать, что Тиберий упал в глубокий обморок, который был принят за смерть и позволил Гаю Цезарю завладеть императорским кольцом. А когда Тиберий неожиданно пришел в себя, Макрон испугался мести и задушил его подушкой.

В общем, для оживленных пересудов было немало поводов. Новость повторяли на все лады, и каждый старался прибавить что-нибудь от себя.

Многие могли бы ликовать по случаю этой смерти, однако желанной для патрициев и плебеев, для бедных и богатых, для свободных граждан и либертов. Однако недостоверность слухов и страх перед неизбежной карой, если Тиберий на самом деле остался жив, удерживали людей от явного проявления радости. Лишь в глубине души каждый человек был готов благодарить богов за смерть ненавистного деспота.

Долгое ожидание собравшихся на Форуме было вознаграждено появлением сенаторов, чьи строгие тоги белым пятном выделялись на фоне пестрой толпы. Отцы города торопливо пробирались к курии; они казались встревоженными и смущенными. С их появлением сомнения многих рассеялись, а эмоции вырвались наружу.

Над Форумом пронеслась весть о том, что Тиберий действительно умер. И красноречивей любых слов был всплеск радости и облегчения, в котором не было даже тени сострадания к умершему.

— Умер! Умер ненавистный тиран! Рухнула империя доносчиков, шпионов и палачей! Римляне, отныне не бойтесь ни ложных доносов, ни бесконечных поборов, ни казней! Теперь можно не притворяться, не льстить, не лицемерить! Прошло время гнусного деспота, его кровавых злодеяний и порочных забав, которым он предавался на Капри! Сегодня можно вздохнуть свободно! Да здравствует Республика!

Собравшиеся посылали проклятия мертвому тирану и с восторгом произносили имя, знакомое всем римлянам.

— Согласно завещанию деспота, — с упоением повторяли они, — вся верховная власть переходит к Гаю Цезарю, сыну Германика! Вот кто возродит Республику! Вот на кого нельзя не надеяться, как невозможно не почитать имени его матери, достойной Агриппины!¹ Вот кто продолжит дело своего великого отца, прославленного победителя варваров!

Некоторые, правда, возражали. До сих пор этот юноша ничем не проявил себя, — утверждали они, — а то немного, что о нем было известно, скорее не позволяло возлагать на него слишком большие надежды. Говоря так, люди припоминали и его угодничество по отношению к Тиберию, и склонность к жестокости, и необузданную похоть. Именно такие сведения о нем приходили с Капри, и кое-кто им верил и пытался убедить других.

Но большинство горожан было готово превозносить Гая уже за одно только имя его отца, популярного в народе. Маловерам отвечали: да, юноша был вынужден притворяться и не обнаруживать истинного характера, чтобы избежать участи, которая постигла весь род Германика. Несомненно, потворствуя низким прихотям тирана, он должен был ненавидеть Тиберия, который оставил без крыши над головой и довел до самоубийства его мать, отправил в ссылку одних его братьев и казнил других... Только нужда могла заставить его делать вид, будто он ничем не отличается от тирана и не имеет призвания к общественным делам. На самом же деле он с детства привык к военным походам; даже это имя, происходящее от слова «калига» — «сапожок», он заслужил из-за привязанности к солдатской одежде. А уж если в войске он пользовался всеобщей любовью, то, почитая его великого отца, разве можно было не верить, что Республика нашла в нем доброго правителя?

¹ *Агриппина Старшая Юлия* (17 г. до н. э. — 33) — дочь Марка Агриппы, жена Германика, мать Калигулы.

Подавляющему числу людей эти доводы казались убедительными, а потому общее настроение Форума было близко к ликованию. И не успели в курии провозгласить решение сената, как тысячи голосов дружно прогремели над площадью и крик этот был слышен далеко за ее пределами:

— Да здравствует император Гай Цезарь Германик!

Там же, где преобладали плебеи и бывшие легионеры, к этому приветствию добавилось еще одно:

— Да здравствует император Гай Цезарь Калигула!

Отзвуки этого торжествующего крика доносились и в курию, куда с полчаса тому назад прямо из Мизен прибыл префект претория Невий Суторий Макрон: он принес весть о смерти Тиберия и завещание императора. Прислушиваясь к шуму толпы, Макрон изучал обстановку в зале.

Там, в глубине, между кармазиновыми и позолоченными ложами, уже больше двух часов переговаривались сенаторы. Многие из них были потрясены случившимся и имели явно растерянный вид. Другие открыто выражали радость.

Еще бы! Вот уже больше шестидесяти лет сенат был лишен реальной власти. Так повелось со времени искусного царедворца Октавиана Августа, который при помощи многочисленных фаворитов умел навязывать сенату свою волю, ведь после формальных обсуждений одобрялось любое его решение.

А за последние двадцать лет, порой из-за уступчивого Сеяна¹, порой из-за Макрона, замещавшего его по указанию

¹ *Сеян Луций Элий* (ок. 20 г. до н. э. — 31) — государственный и военный деятель Римской империи, командующий преторианской гвардией с 14 (или 15) г., консул, временщик при принцессе Тиберии. После добровольного удаления Тиберия на остров Капри Сеян стал фактическим правителем Рима. В 31 г., находясь в зените могущества, был схвачен и казнен по обвинению в заговоре. — *Примеч. ред.*

принцепса¹, собрания некогда могущественного общества и вовсе стали походить на его похороны. Каждый чувствовал, что принадлежит к сборищу рабов, которых позвали хлопать в ладоши при первом слове хозяина. Любая прихоть тирана должна была беспрекословно исполняться. Из-за потакания сената его кровожадности самые именитые граждане, в достоинстве которых никто не сомневался, осуждались как преступники.

Итак, настал день, которого сенаторы ждали двадцать лет! Наконец-то! Прошло время постоянной боязни предательства, рассеялась удушливая атмосфера вечной подозрительности! Как свободно дышится! Как неудержимо течет кровь в жилах, оживляя бледные лица! Словно каждый сбросил маску вечно довольного дурачка Макка, которую нужно было носить двадцать лет! И лица вдруг приобрели человеческие черты, а вместе с ними нашлись слова, способные передать то, что таилось в душах!

Такие чувства переполняли бо́льшую часть из четырехсот отцов города, собравшихся в курии.

Сенатор Гней Корнелий Лентул Гетулик, известный как своим одиннадцатилетним консульством, так и поэтическим талантом, громко говорил о необходимости возобновить центуриальные и трибунальные комиции, восстановить исконные права сената.

В другом углу зала пятидесятивосьмилетний консуляр² Марк Юний Силан выступал с призывами не возвращаться к прошлому.

¹ *Принцепс* (лат. *princeps* — «первый») — первый в списке древнеримских сенаторов, обычно старейший из цензоров. В эпоху Империи почетное место принцепса было важным атрибутом императорской власти. В эпоху Республики принцепс не имел особых полномочий и прав, кроме права первым высказывать свое мнение в сенате по запросу консулов. — *Примеч. ред.*

² *Консуляр* — бывший консул, пользовавшийся наивысшим уважением, особенно в эпоху Республики.

Принцип золотой середины отстаивали Валерий Азиатик¹, энергичный, крепкий, лет сорока, и Юлий Грек, сорокашестилетний автор признанного труда о сельском хозяйстве. Их слушатели одобрительно кивали. Отдельно от всех стояли два сенатора, еще не пришедшие к какому-либо мнению.

Сорокашестилетний патриций Сервий Сульпиций Гальба², потомок одного из самых древних римских родов, пользовался уважением как способный военачальник, четыре года занимавший должность консула. Он был подтянут, даже сухощав. Рано облысевшую голову обрамляли редкие белокурые волосы. Его горбоносый, резко очерченный профиль обладал какой-то своенравной неопределенностью, но голубые глаза смотрели открыто и простодушно.

Фаворит Ливии Августы³, он должен был получить от нее наследство в шесть миллионов сестерциев. Однако в завещании эта сумма была указана не прописью, а цифрами, и беззастенчивый тиран уменьшил ее ровно в сто раз. Начавшаяся тяжба затянулась, и в конце концов Тиберий вообще не стал платить денег, попросту присвоив их.

Гальба тяжело переживал эту несправедливость, но иногда находил утешение в мысли о гораздо большем наследстве, возможно, причитавшемся ему. Однажды в детстве он услышал от гадалки, что когда-нибудь станет

¹ *Азиатик Децим Валерий* (10 г. до н. э. — 47) — политический и военный деятель ранней Римской империи, приговоренный императором Клавдием к смертной казни.

² *Сервий Сульпиций Гальба* (ок. 5 г. до н. э. — 69) — римский император с 6 июня 68 г. по 15 января 69 г. Происходил из знатного и богатого патрицианского рода, стал последним римским императором, принадлежавшим к старой республиканской аристократии. — *Примеч. ред.*

³ *Ливия Друзилла* (58 г. до н. э. — 29) (после 14 г. Ливия Августа) — жена Октавиана Августа, мать императора Тиберия.

императором, и теперь, никому не доверяя своих мыслей, любил порассуждать о сбывшихся пророчествах.

Вообще же, благоразумный от природы, он предпочитал меньше говорить и больше слушать. Может быть, именно эта склонность натуры принесла ему успех в сенате, где умение молчать порой ценилось выше, чем самое искусное красноречие.

Второй из двух сенаторов, казалось, ждал только подходящего момента, чтобы присоединиться к небольшой группе отцов города, нетерпеливо поглядывавших на него.

Его круглая, покрытая смолянисто-черной шевелюрой голова сидела на толстой, почти воловьей шее. Свисающие складчатые щеки образовали тяжелые мешки вокруг выпяченных губ и тяжелого подбородка. Черные мрачные глаза и большой нос, своим изгибом напоминавший орлиный клюв, заставляли предположить в этом человеке характер властный и жестокий.

Это был Луций Вителлий, потомок старинного рода Вителлиев, военачальник, успевший сменить должности эдила курии, претора и консула. Одержав победу на Евфрате, он теперь намеревался заняться общественными делами, для чего на три месяца оставил командование армией.

Это он после загадочной смерти Германика, ревностным сторонником которого являлся, публично обвинил Пизона¹ в отравлении своего любимца и преследовал до тех пор, пока тот не покончил жизнь самоубийством.

При Тиберии он впал за это в немилость и был вынужден скрывать свои истинные намерения и мысли: лишь

¹ Пизон Гней Кальпурний (?—20) — римский военачальник и политический деятель из плебейского рода Кальпурниев, консул в 7 г. до н.э.; дружил с императором Тиберием и конфликтовал с его приемным сыном Германиком. После смерти Германика был обвинен в его отравлении и привлечен к суду. Покончил с собой, не надеясь на оправдательный приговор. — *Примеч. ред.*